

Светлое чувство

П ОСЛЕДНЮЮ страницу романа Алима Кешокова «Грушевый цвет» перорачиваешь с чувством благодарности автору. Он ввел читателя в мир отчего края, познакомил с милыми сердцу людьми. Мало сказать, познакомил — заставил прожить с ними несколько недель их многотрудной, наполненной жизни. От книги остается ощущение ясности и чистоты — той ясности и чистоты, которые всегда сопровождают торжество справедливости. И это не в силу случая или авторской прихоти, но — непреложных законов нашей социалистической действительности.

«Грушевый цвет» — так назвал свое произведение Алим Кешоков. «Для кабардинца грушевый цвет — символ зрелости плодов, благополучия, радостного мирного труда». И роман действительно словно пронизан теплым золотистым светом осенней грушевой листвы. А ведь действие его происходит в дни войны. Правда, это уже 1944-й, осень. Война неудержимо и победоно катится к логову фашистского зверя, страна по-прежнему напрягает все силы, живя по единственному непреложному закону — «Все для фронта, все для Победы!». И в то же время, несмотря на лишения и трудности, начинается мирный труд, восстанавливается народное хозяйство, разрушенное гитлеровскими варварами.

Мы входим в круг проблем героев книги, когда бывший полковой комиссар, а теперь, после ранения, директор только что образованного конезавода Доти Кошроков едет в один из районов Кабарды. Едет исполномоченным обкома партии по заготовкам хлеба. Нелегкое это время и здесь, на уже освобожденной

О романе А. КЕШОКОВА «Грушевый цвет»

от врага земле. Да и кто остался? Женщины, подростки... Поизносились, сами голодны. Но хлеб нужен прежде всего фронту, ибо «хлеб — тот же снаряд».

Кошрокову предстоит встретить многих людей — знакомых и незнакомых. Он окажется втянутым в сложные, а порой и чрезвычайные сложные человеческие отношения, войдет в селения гостем и третейским судьей, агитатором и заступником, выслушает немало рассказов о судьбах, опаленных войной, примет участие в сражении за правду и справедливость... И во всей этой жизненной коловерти Доти Кошроков останется принципиальным, бескомпромиссным. Словом, и в мирной жизни он — комиссар, не случайно и люди зовут его этим высоким именем. Образ коммуниста Кошрокова — одна из больших авторских удач.

Кошроков активен и естествен и на полевом стане колхоза, и в кабинете первого секретаря обкома партии Зулькарнея Кулова. Но как же широк диапазон его отношения к людям — от трогательно-нежного, отцовского чувства к «ординарцу» Нарчо, от чистой, поистине братской любви к любому честному человеку, кому сейчас, в эту вот минуту, хуже, чем ему (вспомним сцену, где он отдает свою одежду солдатке Биле), до гневного неприятия авантюриста и приспособленца Чорова.

Десятки людей живут на страницах сравнительно небольшой книги. Мастерство писателя сказывается и здесь: он бережно выписал каждого, раскрыл его характер, емко и ярко сумел рас-

сказать нелегкую судьбу... И вместе с тем позволил нам почувствовать эту его любовь к своему народу. Любовь, но не любованье.

Повествование ведется как бы в двух планах. Враг уже изгнан с горской земли, но снова и снова автор возвращает нас к тем страшным дням оккупации. Тогда в горах шла партизанская война... Время выявило суть людскую. И то недавнее прошлое помогает лучше осмыслить настоящее.

Мне представляется одной из самых ярких ключевых сцен рабоче-крестьянский сход на кирпичном заводе. Чинуша и очковиратель Чоров предпринимают отчаянные усилия, чтобы путем махинаций и приписок лишь на бумаге выполнить план по поставкам хлеба и продукции животноводства. Честолюбивый, беспринципный, он живет по принципу «как хочу, так и ворочу». А с людьми не считается. А люди-то, простые сельские труженики, и находят единственный возможный выход из действительно трудного положения. Сдать в счет плана поставок часть урожая, собранного с приусадебных участков, — да, эта мера чрезвычайная, все присутствующие на сходе хорошо понимают, какая им и их детям предстоит зима. Разговор идет трудный и поначалу неровный. Автор показывает нам эволюцию человеческой психологии. Партия в трудный для страны момент обращается к людям — за помощью. Здесь, на сходе, — и кабардинцы, и русские и балкарцы, и украинцы... Какое же высокое самопожертво-

вание, человечность проявляются в этой сцене! Я не удержусь и дам слово одной из привлекательнейших героинь романа, старой Хабибе: «...Она (Кураца. — Е. К.) разве для себя просит кукурузы? Для Красной Армии. А из кого состоит Красная Армия? Из наших сыновей и братьев, да прикроет аллах своей ладонью моего Альбияна. Пусть в глотке у меня застрянет кусок хлеба, который я пожалелю воинам. Мы обязаны отдать все, что вырастили на своих огородах. ...Лишь бы сыты были наши славные воины! — Глаза Хабибы метали молнии, голос дрожал от возбуждения. — Кому кукуруза дороже, чем победа над врагом? Кому? Пусть он выйдет сюда, я хочу на него посмотреть».

Кураца, Апчара Казаноква, Батырбек Оришев... Многие люди запомнятся нам. И, конечно, полюбили мы Нарчо, по сути дела, мальчонку еще, которому жизнь уготвила, слишком тяжелое для его детских плеч... Но душа у людей чиста, светла. И в Кошрокове, и в Нарчо, в прекрасных женских образах выявлены лучшие национальные черты народа.

...Доти Кошроков выполнит свое поручение — поручение партийной совести: несмотря на тяжелое ранение, он добьется отправки на фронт. Вернуться с войны ему не суждено, он погибнет в бою. И останется в нас щемящая грусть и боль...

Но сильнее этой боли светлое чувство, которое оставляет после себя роман, созданный известным писателем, фронтовиком. Оптимизмом, верой в будущее, в радостную, мирную жизнь пронизаны страницы повествования. Залог тому — судьбы народные, что пройдут перед нами, судьбы мужественных людей, вставших в схватку с фашизмом. Добр мир этих людей, они продолжают дело коммуниста Кошрокова.

Евгений КУБИЧЕВ